

OF THE

REPORT

1	1
2	2
3	3
4	4
5	5
6	6
7	7
8	8
9	9
10	10
11	11
12	12
13	13
14	14
15	15
16	16
17	17
18	18
19	19
20	20
21	21
22	22
23	23
24	24
25	25
26	26
27	27
28	28
29	29
30	30
31	31
32	32
33	33
34	34
35	35
36	36
37	37
38	38
39	39
40	40
41	41
42	42
43	43
44	44
45	45
46	46
47	47
48	48
49	49
50	50
51	51
52	52
53	53
54	54
55	55
56	56
57	57
58	58
59	59
60	60
61	61
62	62
63	63
64	64
65	65
66	66
67	67
68	68
69	69
70	70
71	71
72	72
73	73
74	74
75	75
76	76
77	77
78	78
79	79
80	80
81	81
82	82
83	83
84	84
85	85
86	86
87	87
88	88
89	89
90	90
91	91
92	92
93	93
94	94
95	95
96	96
97	97
98	98
99	99
100	100

ЗАПОРОЖСКІЕ

НАБЗДЫ.

ИЗДАНИЕ

1880

ЗАПОРОЖСКІЕ НАЪЗДЫ.

УКРАИНСКАЯ БЫЛЬ

ИЗЪ

ВРЕМЕНЬ ГЕТЬМАНЩИНЫ.

Соч. А...ра ...вскаго.

Часть II.

А по переку иде дорошенко,

Веде свое войско,

Веде Запорожьско,

Хорошенько!...

Малороссійская пѣсня.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представле-
ны были въ Ценсурный Комитетъ три экзем-
пляра. Москва. Августа 7 дня 1836 года.

Ценсоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ*.

ГЛАВА I.

ВЪ ЗАПОРОЖЬѢ.

Не указъ намъ чужеземный край;
Намъ не по опцы заповѣдали!..

.

Лучше лечь намъ во сыру землю,
Чѣмъ безславишь имя Русское!...

К. А. ШАХОВСКИЙ.

Есть спрана благословенная, обильная; спрана, въ коюрой шакъ опрадно свѣпшишь красное солнце, шакъ щебра и радушна природа; шамъ цвѣ-

*

шупъ пышныя розы, зрѣетъ виноградъ роскошный, и соловей — пѣвецъ вдохновенія, любимецъ поэмовъ, разноситъ по дубравѣ сладкую пѣснь свою. Успавый пупникъ подъ сѣнію пѣнистой березы или сполѣшняго дуба, часно, при звукахъ пернашаго пѣвца, погружается весь въ неземное!...

Въ той спранѣ очаровашелень аромашъ луговъ, покрыпыхъ цвѣпными коврами; прекрасны юныя дѣвы съ розами на ланипахъ, когда онѣ собираются въ веселые хороводы при звукахъ свирѣли или звучной волюнки; но проходилъ полгода; съ Сѣвера дохнетъ Борей могучій, и быспрыя рѣки окованы льдиспой броней; зеленныя нивы покрыпы снѣгомъ. Мершва природа!... мершва, но не на долго, чшобъ опашъ воскреснушь съ новою прелесью, съ новымъ великолѣіемъ!

Есть спрана, ознаменованная великими событіями, упоенная кровію ино-
 племенныхъ и собственныѣхъ дѣшей
 своихъ. Шумныя полчища невѣрныхъ
 долго наводняли ее, перзали, раздира-
 ли на часпи; но угнѣшенная — она воз-
 звала къ Богу — Спасителю, и гордый
 завоеватель въ ней самой похоронилъ
 славу свою!...

Видали ли вы въ Фаншасмагоріи меч-
 чпаній вашихъ дивнаго Исполина съ
 неземной мудроспью, написанной на че-
 ль его буквами, поняшными не для взо-
 ровъ, но для сердца, проникнушаго бла-
 гоговѣніемъ? ... Исполина, съ доброшой
 и геніальной прозорливоспію въ очахъ,
 прижимающаго къ сердцу родное дитя
 свое — спрану, описанную мной. Это
 Великій Преобразователь шой спраны;
 Могучій — Онъ воздвигъ ее изъ пепла
 и поставилъ на пупи къ шумной сла-

въ и совершенному благосостоянію. —
Въ Великомъ — было все великое!...

Рядъ достойныхъ преемниковъ за-
ступилъ въ спранъ пойдъ мѣсто Ве-
ликаго. Въ колыбели время вид-
ны были коронованныя главы, до-
стойныя своего священнаго назначе-
нія. Нѣжные опцы — они дѣлали, по-
коили и облекали въ пышную одежду
любимую дочь свою — православную
землю!... О! какъ много было достой-
ныхъ сыновъ, положившихъ животь
свой за милую, нѣжную мапъ; и по-
нынъ чье сердце не горитъ свяпой
любовію и вѣрностью къ престолу и
коронъ, его украшающей!

Благодапная спрана!... Земля очаро-
вапельная!... Кто не узнаетъ въ ше-
бъ нашей родины — православной Ру-
си!... О!... доспанетъ ли словъ, чпобъ

выразить воспоиго мой? ... Гдѣ взяиъ
сполько радостныхъ слезъ, чпобъ омо-
чиъ лавры твои! ... Ахъ, дайше мнѣ
силы Тишана! ... Я крѣпко прижалъ
бы къ сердцу родную землю мою;
какъ сладко умереть за нее! ...

Во времена мудраго Преобразователя;
какъ и въ наши благословенные годы,
все горѣло къ Нему любовью невыра-
зимою, священою. Опъ Сѣвера до
Юга, опъ Воспока до Запада было
одно сердце, одна душа, посвященная
Ему, — Великому!

Въ срединѣ пуспынной Украйны, въ
сѣчи Запорожской, памъ, гдѣ люди по-
свящили себя буйнымъ набѣгамъ на
иноплеменныхъ, и съ младенчества иг-
рая саблею, окуривались порохомъ;
сердца эшихъ людей, закаленные въ
огнь и биввахъ, также сильно бились
любвию къ дивному Преобразователю

нашего опечесства. Безпредѣльна была привязанность казаковъ къ Петру Великому!... По одному мановенію могучей руки — они были гошovy умереть за славу Его!... Чеснь племенамъ богатырей Русскихъ!...

Въ небольшой слободѣ, принадлежащей къ одному изъ куреней казачьихъ, на выѣздѣ, чей это укромный домикъ, наружноспію гораздо красивѣе прочихъ хантъ, вмѣщающихъ къ себѣ семейспва наѣздниковъ Украинскихъ?... Возлѣ низменныхъ оконъ домика распустилъ нѣсколько молодыхъ рябинъ, а у калипки развѣсисная ива; на широкой дубовой скамьѣ, подѣ ивою, видѣнъ почтенный спарець съ серебриспой бородою, доспигающей до груди, въ

поиукашанъ изъ грубой сермяги пемнаго цѣша. На лицѣ его написана рѣзкими чертами прямая Русская добродѣль, въ очахъ — широкая надежда на Провидѣніе. Густая шолпа усачей съ загорѣлыми лицами окружаетъ старца; во взорахъ ихъ блестящъ мужество и опвага; но не менѣе того видны почтеніе и внимательность къ старцу. Снявъ шапки, они споятъ полукружіемъ и, кажецца, съ жадностью ловящъ каждое слово его. Не кто эшоу орапоръ, такъ сильно привлекающій къ себѣ слушателей — наѣзdnиковъ смѣлаго Запорожья?

Эшо добрый Священникъ Даниилъ, такъ единодушно любимый казаками, извѣстный между ними подъ именемъ *Попа Данилы щедраго*. Наканунъ похода въ степь, онъ даетъ родипельское, духовное наспавленіе дѣшамъ

своимъ , и дѣши слушающъ умиленно
опца Данилу.

— Ну, дѣшки! (шакъ говоришь онъ,
продолжая свое поученіе) шеперь по-
молишесь, чпобъ нечиспый духъ, соб-
лазнишель православныхъ, не посѣяль
плевелы въ сердцахъ ванпихъ ; не со-
врашилъ съ прямаго пупи, не погу-
билъ вась окаянный, какъ Гришку Бра-
гина , Сидора Харченку и другихъ.
Не говорю о воздержаніи опть вина,
кошорое во время похода и шакъ спро-
го воспрещено вамъ; и по дѣломъ:
не упивайтесь виномъ, въ немъ бо есть
блудъ! — Но зависъ другъ къ другу,
междоусобная ненависъ , вопъ змѣи
подкоlodныя; ихъ-по вамъ паче всего
спрашишья довѣшенъ. Лучше свеспи
дружбу съ Ляхомъ поганымъ, съ жи-
довиномъ нечиспымъ, нежели спознашъ-
ся съ эшими врагами покоя. Чпо шы

пошупилъ очи Онисимъ Харленко? ... Чпо пакъ смушился? ... Добрый знакъ; пы не забылъ прошлую вину свою при раздѣлѣ добычи; но — *кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!* — Паче всего молишесь, дѣпки, чпобъ Господь укрѣпитъ ваши мышцы на поражение супоснапа. Да не дерзнешъ онъ вышпашъ главу свою! ... Все, чпо вы ни содѣете, содѣете не для самихъ себя, а для славы нашей Украйны и всей Руси. Помните, чпо на всякій шагъ вашъ глядитъ орлиными очами нашъ бапюшка, Царь Петръ Алексѣвичъ. Многая лѣша Ему Великому! ..

— Многая лѣша!.. многая лѣша!.. повпорилъ шумный говоръ казаковъ.

— Ну, шеперь, дѣпки, помолитесь и идите съ миромъ, до завтра. Да напушешвуентъ васъ Машъ Пресвятая Богородица!...

Съ шумомъ казаки заполпились около Священника. Всякій спѣшилъ у него взять благословленіе; и наконецъ мало по малу вся толпа начала расходиться въ разныя спороны.

День почти совершенно одѣлся вечерней мглою; а почтенный Пастырь, оставшись на скамьѣ, съ умиленіемъ глядѣлъ, какъ добрый отецъ, на удаляющихся дѣтей своихъ.

— Благослови, опче Данила!... раздался вдругъ громкій голосъ съ правой спороны Священника, и высокій, черновашый казакъ, съ поникшими очами, споялъ передъ Пастыремъ. Это былъ Куренный Апаманъ Аспафій Бородовичъ.

— А, брата Аспафій! Богъ да благословишь шебя! сказалъ Священникъ, осѣняя его знаменіемъ креста. — Я

думалъ, что пы ужъ нынѣ и не придется побесѣдовать со мною.

— Проспи, честный батько!.. Забѣшкался, былъ у Кошеваго; много было полковъ, да не знаю, много ли будетъ толку. На силу вырвался!

— Вѣрно все ладили дѣло о завшрашнемъ походѣ?...

— Поговорили и объ эпомѣ, а पुще всего задержали бумаги, что примчалъ вчера гонецъ изъ Башурина.

— Бумаги опъ Гепмана?... Аль еще что новое зашъвашъ хочешъ?...

— Новаго ничего нѣтъ, а пишешъ много о жалобахъ, кои дошли къ нему опъ самыхъ именистыхъ изъ Шляхпы Польской (ш. е. опъ эшихъ собакъ Ляховъ); будно бы наша вольница дѣлаетъ безчинства и грабежи ужъ не

въ мѣру. * Да и бѣсъ знае, какая про-
паснь другого прочаго шамъ напи-
сана.

— Спало бышь ему жаль поганныхъ.
Диво онъ объ Жидахъ, да о Ляхахъ не
заплаченъ. Вошь какое къ Царю
радѣніе!... Охо! хо!... И въ правду
(между нами съ шобой будь сказано),
чего ждашь, когда онъ съ погаными
одной крови!...

— Да, бацько чесный! — Вѣрно и
не видашь дѣшкамъ швоимъ Гепмана
добраго, православнаго!...

— Никшо шаковъ, какъ Богъ, мое
дипяшко!... сказалъ Священникъ, пере-
крестясь, и долго дмлась съ Ку-
реннымъ бесѣда его. Долго судили они
о дѣлахъ Запорожскихъ. Неблаго-
пріятное мнѣніе казаковъ и плѣющая

* Смотри Исторію Петра Великаго.

искра ихъ нерасположенія къ Мазепѣ ясно отражалась въ разсказахъ Ашамана и мнѣніяхъ Священника. Это была тайная нить къ будущему перевороту политическому.

Когда небесная лампада засвѣтилась на горизонтѣ, Куренный Ашаманъ, напущиваемый благословеніемъ спарца, кончилъ съ нимъ бесѣду свою.

ГЛАВА II.

ВООРУЖЕНІЕ.

Прощайте: тихій берегъ Дона,
Опшцовскій прахъ, и мапъ моя,
И вся родныхъ моихъ семья! . .

А. Вельтманъ.

Храпаятъ надъ коновязью кони,
Звѣнятъ надъ кормомъ удла.
Никто не смѣй сниматьъ сѣдла!..

Ө. Глинка.

Глухая полночь. Сѣчь Запорожская
погружена въ сонъ непробудный. Ни
звука оружій, ни призывнаго клика, ни
веселой пѣсни, ни малѣйшаго опзыва жи-

зни не замѣпно въ шумномъ спановищѣ удалыхъ наѣздниковъ. Эпо мрачная пищина передъ бурей! Эпо глубокий сонъ, смыкающій въжди храбраго, чпобъ съ первымъ лучемъ разсвѣпа воззванъ его къ оружію и новымъ подвигамъ.

Но въ обширной обласпи сна и мерпвой пищины ужели нѣтъ ни одного бодрспвующаго сущеспа, кромѣ часовыхъ, разспавленныхъ кругомъ, цѣпью? Напропивъ: любопышный наблюдапель, осмапривая со вниманіемъ среди ну куреней, вѣрно замѣпилъ бы слабый огонекъ, мерцающій во внуспренности одной палатки; увидѣлъ бы лежащаго на связкѣ соломы молодаго наѣздника, копорой бодрспвовалъ и пѣломъ и душою. Не укрылись бы опъ прозорливаго глаза и груспъ, и мрачное опчаяніе, такъ ясно написанныя въ черпахъ и опражающіяся въ пом-

ныхъ глазахъ юноши, копорый со вниманіемъ перечипывалъ по нѣскольку разъ какія-шо письма, и послѣ чпенія, шо былъ весь уныніе и мечпа прошедшаго, шо вперялъ огневые взоры въ усяянное звѣздами небо, какъ бы желая въ немъ прочесъ шайну судьбы своей. Но эпа великолѣпная, необозримая книга опкрыпа не для всякаго изъ смерпныхъ!...

Еспъ при сеспры, посланныя къ намъ Небомъ; при неразлучныя подруги челоѳчества, доказыѳающія всю слабосъ духа и несоѳершенсѳо силъ нашихъ. Эпи при посланницы посѳщающъ насъ и на зарѣ, и на закатѣ дней нашихъ; онѣ вливающъ много желчи въ чашу жизни нашей; но за шо во дни счасія развивающъ въ бѳльшемъ блескѣ наши мимолетныя радости!...

Двѣ первыя изъ нихъ, близнецы по свойствамъ, между людьми выражающіяся звуками: *тоска* и *грусть*. Чье сердце не посѣщали эпи двѣ сеспиры неугомонныя, безопвязныя, несносныя?... Спросите у милой, прелестной дѣвушки, чпѡ пакъ опуманило ея личико, изсушило на немъ розы, изгладило признаки весны и облекло въ мрачную зиму?... *грусть по миломъ*.... Спросите у юноши, чпѡ пропивъ воли заставило его разлюбить рѣзвыя мечты; чпѡ извлекло изъ очей его жемчужную слезу на рѣсницы?... *тоска о подругѣ*. Видите ли молодыхъ супругов?... Спросите, чпѡ принудило ихъ пакъ помно, пакъ уныло склониться на плечо другъ къ другу?... *грусть о потерянной улетѣвшей мечтѣ*.... Полюбопытствуйте у молодого воина, склонившаго на копьѣ голову, украшенную кудря-

ми; что за незваная гостья закралась
подъ его тяжелую броню? ... Онъ вамъ
скажетъ: *тоска по моей родинѣ!...*

Тоска по родинѣ! ... Ахъ, это самое
священное, благородное чувство, осно-
ванное на чистѣйшей, пламенной люб-
ви къ той землѣ, на копорой мы уви-
дѣли прекрасный Божій міръ! Это
чувство едва ли дастъ мѣсто въ серд-
цѣ другимъ ощущеніямъ. Кпо въ
чужомъ краю проводишь унылые дни
и томительныя ночи; кпо оставилъ
на родинѣ все милое, доступное къ
сердцу; кпо долго не видалъ роднаго
неба, поютъ вѣрно заплапилъ чистую
дань благородной тоскѣ по отчизнѣ!

Трепья сестра, часомъ, какъ хитрый
пань, вкрадывается незамѣтно въ ду-
шу нашу, тягошитъ ее и оспав-
ляетъ на долго слѣды свои. Она

всегда носилъ на себѣ дивную печать предвѣденія, по большей часпи поимельнаго, груснаго, и рѣдко улаждаеиъ горе наше. Ее зовуиъ *предчувствіе!*—Одно благо оспалось на землѣ защиною проиивъ прехъ губительныхъ орудій: *надежда на Святое Провидѣніе!*...

Но ахъ!... По всему замѣино, что при докучливыхъ мучительницы сильно овладѣли душой молодого наѣздника, а больше всего — пагубное предчувствіе, какъ злобщая пища, въ глубинѣ груди напѣваеиъ ему что-то мрачное, ужасное!... Сладко, оправдно покоиитъ завѣиный сонъ опважныхъ поварицей груснаго юноши; напрасно манииъ и его въ свои обьяиія: грусиъ, шоска по милой и рядъ шягоспныхъ предчувшвій гоняиъ прочъ благодаи-наго госпи.

Все шихо, какъ на днѣ могилы!... Но
вошъ пурпуровая полоса очаровашель-
наго цвѣща опоясала края горизонпа,
и какъ порывъ бури, раздался пере-
капный гулъ по всему проспранспву
сѣчи. Во всѣхъ куреняхъ закипѣла
жизнь и дѣяшельность!... Решивые ко-
ни, почуявши пробужденіе хозяевъ сво-
ихъ, радостно ржали, вырывая копы-
тами землю. Казаки выводили сво-
ихъ любимцевъ и поварищей передъ
палашки, чистили ихъ, сѣдлали, приво-
дили въ порядокъ оружіе и собирали
небольшой походный скарбъ свой.

Даль небосклона загоралась болѣе
и болѣе. Какая - то живая, удалая
радость разлилась между полпами. —
Куренные Ашаманы окружили палап-
ку Кошеваго; почти все было гоппово;
казаки, вооружившись, вывели на поле
передъ куренями и посшавили въ спрой-

ные ряды коней своихъ. Каждый наѣздникъ имѣлъ при себѣ оспрую саблю, въ карманахъ, пришипыхъ сна-ружи къ широварамъ, по двѣ пары исправныхъ пистюлеповъ и винповку, привязанную къ сѣдлу. Передъ рядами коней и смѣшенныхъ воиновъ видны были на подмоспикахъ груди съѣспныхъ припасовъ и нѣсколько боченковъ вина, покрышые холспомъ. Все было гошпово къ походной процес-си. Не доспавало Кошеваго Ашамана.

Но вопъ и онъ показался, не заспавивъ долго ждашь себя. Куршка изъ грубаго сукна, холспинные шаровары, обрызганные дегшемъ; распсегнушая рубашка, изъ-подъ копорой на воло-сиспой груди видѣнь былъ шпжельмъ, серебрянный складень; оспрая шашка, опшняшая у Ташаръ въ прежнихъ набѣ-

гахъ, и деревянная люлька * выглядывающая изъ кармана куртки, были парадныя украшенія предводителя наѣзтниковъ Запорожскихъ.

Въ слѣдъ за Кошевымъ, съ смиреніемъ и пошупленными очами, шелъ Попъ Данила щедрый, сопупспвуемый вапайгой изъ нѣсколькихъ казаковъ, соспавляющихъ хоръ церковный. — Топчасть, по прибытіи Кошеваго, глубокая шишина водворилась въ рядахъ наѣзниковъ; на лицахъ было видно благоговѣйное ожиданіе чего-то священнаго, опшвлекающее душу опъ земнаго—къ небу!

Опець Данииль покрылъ себя полнымъ облаченіемъ, взялъ въ руки Евангеліе, Чеспный Креспъ, и началось молебспвіе къ Пресполу Создашеля о

* Трубка.

низпосланиі успѣховъ оружію. Спройное пѣніе раздалось, огласило окрестности, умиленіе сердець, не доступныхъ ни къ какимъ нѣжнымъ ощущеніямъ, исключая любви къ родинѣ, Царю и Вѣрѣ своихъ праошцевъ; шепное умиленіе опразилось въ черпахъ Запорожцевъ. Почпи у всѣхъ крупныя слезы капали на длинныя усы. Усердно молились въ спройныхъ рядахъ, пламенно молились спарцы, молились дѣппи, окружавшія полчища; всѣ молились; все слилось въ одну душу Христіанина; все было — олицетворенная молитва къ Пресполю Небесному!

Въ споронѣ опъ главнаго ополченія видна была опдѣльная дружина, состоящая изъ нѣсколькихъ сотенъ казаковъ, коихъ лица болѣе прочихъ были испещрены рубцами опъ сабельныхъ ударовъ и опалены порохомъ.

Престарѣлый начальникъ, покрытый сѣдинами, съ одичалымъ, суровымъ лицомъ, видѣнь былъ напередъ ихъ. Хотя слезы и не кропили повисшіе усы Запорожца, но въ очахъ можно было чипать благоговѣніе, равное прочимъ. Онъ также умиленно молился. Это былъ предводитель вольницы — могучій Палый, съ своею лепучею дружиною.

Наконецъ молебствіе кончилось. Ряды воиновъ и предлагаемые припасы окроплены святою водою. Всѣ облобызали съ вѣрою чеспный крестъ, и Кошевой Апаманъ, выступая на средину, обратился къ дѣшамъ смѣлаго Запорожья.

— Брашеньки!—вскрикнулъ онъ, закручивая усы правою рукою. — Пришла пора намъ попочипъ оспрыя сабли о бесурманскія головы. Давно

не ходили мы ни къ Ляхамъ, ни къ Туркамъ за добычею. Зашевелились поганые Тапарты, зашумѣли на рубежѣ и въ степяхъ; приглядѣлись ихъ Хану самоцвѣтные камни, залежались мѣшки съ казною; золопо ломить сундуки бесурманскіе! Время намъ до нихъ добратся. Въ Крыму не много булаша для руки богашырской, а много дорогихъ шканей, много коханокъ. Не хай ихъ, гарцуешь. Нагрянемъ, налешимъ, какъ орлы на спадо гусей, развѣемъ какъ пухъ по вѣтру. Въ чьей рукѣ дрогнешъ булашъ? Кпо за Царя Петра пожалѣешь буйную голову! Кпо враговъ пуспишь въ Украину?... Смѣлымъ Богъ помогаетъ, брашеньки!... Сядимо на коней, гаркнемъ, и пойдешъ пыль по степи!... Теперь выпить и закусишь до походу добре; а шамъ, помолясь, да и въ поле!...

Ашаманъ кончилъ вишнѣващую рѣчь свою. Всѣ казаки были восхищены его просшымъ краснорѣчіемъ и гремѣли саблями. По данному знаку началось угощеніе. Чары были испиты виномъ и разнесены по рядамъ; закуска раздана, и попомъ снова началось молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, какъ послѣдній даръ, наущивающій временную разлуку съ родной Украиной!

Трогательна была карпина молишвы колѣнопреклоненныхъ воиновъ. Кто бы не пролилъ тогда слезы умиленія?... Кто бы не посвятилъ ее опчизнѣ?...

По окончаніи молишвы, каждый изъ казаковъ взялъ съ благоговѣніемъ горсть родной земли своей, завязалъ въ чистую пряпицу и глядѣлъ на нее съ чувствомъ шоски и грусти невы-

разимой. Видно было, какъ у многихъ горячія слезы кропили завѣшннй узелокъ. И попомъ каждый, съ жаромъ поцѣловавши его, привязывалъ ко кресту, чпобъ взять въ походъ съ собою.

Но кпо эпо такъ громко рыдаешъ надъ землею пуспынной Украйны?... Чье сердце, не моглии удержашъ порывовъ, хошѣло бы вырваться изъ пламенной груди, чпобъ оспашься на родинѣ! Ахъ!... эпо юный наѣздникъ, проведеншій всю ночь безъ сна съ подругой своей — мечпою; эпо молодой Войнаровскій. Онъ плачешъ горько; мрачное предчувствіе говоришъ ему, чпо коспиямъ его не лежащъ въ поляхъ Украйны!... Упѣшься, храбрый воинъ! Сладко уснушъ, если не въ родной землѣ, шо хошъ съ родной землею!...

И кто бъ не пожалѣлъ пылкаго юношу, коего сердце, не вкусивши вполнѣ очарованій любви, должно опказаться опъ нее, бышь можешъ, безъ возврата!...

Но вопъ успокоились взволнованныя сердца воиновъ шоскою по мапери своей, съ копорой разспавались: иные не на долго, другіе на вѣки!... Всѣ ужъ были на коняхъ; и когда пронесся громовой крикъ Кошеваго: «за мною, брапеньки, съ Богомъ!»... всѣ дружины двинулись, взвивая пыль, и шопопъ коней разнесся по безбрежной долинь!

Долго спарцы, жены и дѣти глядѣли на дорогу за милыми сердцу; долго благословенія и молишвы лепѣли во слѣдъ богашырей православныхъ!

ГЛАВА III.

БЕСѢДА ЗЛОДѢЕВЪ.

О любезный Факиръ!.. Ни въ какомъ болотѣ, ни въ какой пещерѣ въ свѣтъ нѣтъ змѣи, ехидны, дракона, надѣленныхъ опъ природы сердцемъ, споль злобымъ, жаломъ, споль ядовитымъ, какъ сердце и языкъ человѣческій!...

Б. БРАМБЕУСЪ.

Миль за десятъ съ небольшимъ опъ развалинъ опуспошеннаго помѣстья Пана Владислава Варницкаго видѣнь фасадъ огромнаго, неправильнаго спро-

енія, окруженный со всѣхъ споронъ садами, копорые по срединѣ перерѣзывается небольшая рѣчка съ мельницей. Это аренда Пана Яссельскаго. Уже прошло почти около мѣсяца со времени отъѣзда Войнаровскаго въ сѣчь, а Яссельскій живетъ въ помѣстьѣ своемъ, убивая время охотой, или посѣщая окрестныхъ сосѣдей.

Было пасмурное, туманное утро. Солнце едва освѣщило на одну минуточку унылую землю, какъ сѣрыя облака опять заслонили его. Въ обширныхъ хоромахъ Пана царствовала мершвая тишина. Самъ владѣлецъ погруженъ былъ еще въ глубокій сонъ, и только въ сосѣдней комнатѣ были слышны два голоса, копорые довольно громко разговаривали между собою.

Это были два холопа. Одинъ изъ нихъ лежалъ, попягиваясь на спарой,

обишюй шпофомъ софѣ, а другой сидѣль въ креслахъ напрошивъ его. Не смотря на близкое сосѣдство внутреннихъ барскихъ комнашь и не боясь возбудишь чье нибудь вниманіе, они продолжали свободно бесѣдовашь по брашски.

— Ну, другъ Казимиръ,—сказалъ холопъ, лежащій на канапе.—Не угадашь тебѣ, какой я видѣль сонъ. Ужъ вѣрно шого на яву не сбудешся!

— А неужели вѣришь снамъ? Мало ли подѣ часъ какая дрянъ лѣзепъ въ голову.

— Оно правда. Однакожъ, какъ ты думаешь, что я видѣль, брашенько?... Ахъ! и до сихъ поръ сердце играепъ опъ радости. Вижу, вопъ какъ на яву, будшо споишь передо мною шоль и на немъ дюжинъ до шрехъ бушны-

локъ; и съ водкой, и съ Фряжскимъ, и съ Бургундскимъ, и съ наливками. Ахъ, дзѣябли везмо!... чпо за раздолье. Я будпо припаду по къ одной, по къ другой, по къ шрешей; не помню себя, шочно какъ въ раю, про кошорый шакъ много напѣваешъ намъ Ксѣндзъ. Вдругъ лшій дернулъ шебя загремѣшъ спульями, я и проснулся!

— Гарный сонъ!... А мнѣ диковиннѣе пвоего грѣзилось: будпо я вижу шебя мершво-пьянымъ и Панъ колошишъ шебя безъ пощады: чпо нагайкой, по бичемъ, по палкой, по дубиною...

— Ахъ пы бисовъ сынъ!... Видно пришло шебъ на память, чпо на яву со мной было; да не гарцуи, и самому доведешся!

— Долго ли до грѣха, а особливо шеперь; какъ будпо кшо чернымъ гла-

зомъ обвелъ нашего Пана, на всѣхъ гля-
дипъ звѣремъ.

— Не давно на него эпа злоспъ на-
пала; съ шѣхъ поръ, какъ началъ бз-
дипъ часпо въ госпи къ Пану Лодо-
мирскому.

— Знапъ не пупемъ черноглазая
дочка зазнобила ему сердце! А кажись,
чпобъ увивапъся около нее? Развѣ
здѣсь ему мало красопокъ?

— Знапъ мало. Скупому давай золо-
та! По горло зарыпъ, еще хочепъ!..
Такъ и нашему Пану!

— А помнишь пы, чпо говорилъ
про него въ Жишомиръ Нѣмецкой ле-
каръ, знаешъ попъ, чпо прѣзжалъ
сюда къ намъ....

— Развѣ онъ Нѣмецкой?.. Эпо док-
торъ Англичанинъ.

— Ну чпо за бѣда? Нѣмецъ или Га-
личанинъ, все одинъ чорпъ. А дѣло

въ помѣ, что эпопѣ людоморѣ говоришь, будто у нашего Пана какая-то болѣзнь, опѣ копорой все на свѣпѣ ему не мило. Онѣ мудрено называлѣ ее по своему; а прикащикѣ намѣ сказалѣ, что эпо по нашему хандра!

— Хандра? Эко имячко заморское! Посмотрѣль бы я, какова она собою!...

— Тссъ!!... Кто - то зашумѣль въ залѣ! Ужѣ не самѣ ли Панѣ проснулся?...

Двери залы распворились, и изѣ внутреннихъ комнатѣ молодая, хорошенькая дѣвушка, въ упреннемъ уборѣ, прошла въ боковыя двери.

— Вошѣ она!... Видѣль ли ты ее?... вскричалѣ Казимирѣ, смотря въ слѣдѣ за промелькнувшей дѣвушкой. Какова Хандра! Легка на поминѣ!...

— Признаюсь, хороша!... Во вѣкъ бы

не распался съ эпой болѣзною. — Ха, ха ха!...

— Чшо у васъ за гвалтъ, бѣсеняпа! — вскричала суровымъ голосомъ лысая голова, высунувшись изъ шой же двери, откуда вышла дѣвушка; и дородный приказчикъ явился къ краснобаямъ.

— Не лѣзя вамъ посидѣшь, молча, прокляшые!... заревѣлъ опять приказчикъ. — Знаете, чшо у Ясновельможнаго болѣзнь; чшо онъ ночи не спитъ покойно.... А вамъ какъ будшо и нѣтъ дѣла!...

— Видѣли мы его болѣзнь. Ужъ она ушла опъ него далеко! — сказалъ Казимиръ въ полголоса.

— Чшо ты шамъ бормочешь, хлопча?...

— Ничего, Панъ приказчикъ. Я хопѣлъ спросишь у пивоей милоспи, прѣснулся ли Ясновельможный?

— Изволимъ вспашъ, сѣлъ у опкрыпаго окна, посмопрѣлъ на дорогу, да приказалъ вамъ, хлопцы, встрѣчашъ жданнаго госпія.

— Какого госпія, Панъ приказчикъ? Опкуда?...

— А вонъ, посмоприше!... Приказчикъ показалъ рукой на окошко и вышелъ.

Холопы опкрыли окно, начали глядѣшь со вниманіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, по узкой дорожкѣ къ ворошамъ дома ѣхалъ верхомъ на лошахъ, въ сопровожденіи служителя, человекъ немолодыхъ лѣтъ, опъ сыраго воздуха покрыный чернымъ капишономъ. Поглядѣвши на окно, онъ снялъ шля-

пу и преклонилъ голову съ почпениемъ.

— Ахъ, это нашъ знакомый *Падеръ Яншовскій!*... вскричали холопы. — За чѣмъ его нелегкое несетъ сюда шакъ рано?... И захлопнувши окно, они бросились встрѣчать его въ воропахъ, сняли съ лошади и почпи на рукахъ попацили въ покой.

Оправивши нѣсколько съ дороги свою смиренную одежду, Іезуишъ сквозь рядъ распворенныхъ наспежъ дверей былъ введенъ почпищельнымъ приказчикомъ въ кабинетъ Пана, которъи сидѣлъ на Персидскихъ подушкахъ съ заспанными глазами, допивая первую чашку грѣшаго вина, подслащеннаго медомъ.

По данному знаку они оспались вдвоемъ.

— Очень радъ, очень радъ, почпениемъшій опецъ, чпо вижу васъ усебя,—

началь Яссельскій.—Ожидали со дня на день, и ваша медленность довольно заставила меня поломать голову. Какъ себя чувствуете, мой любезный?...

— Живемъ по немногу, благодаря нашего Создателя. *Sine Iove nec redemtove!*... * Кажется, по второй же епископъ вашей не замедлили явиться!

— Очень благодаренъ, *Pater benevolentissime!*... Вотъ видите, и я начинаю говорить любимымъ языкомъ вашимъ. Но почему жь бы не порадовать вашего друга, не посъпшишь послѣ перваго посланія.

— Охъ, любезнѣйшій, немощь плоти нашей не всегда позволяетъ намъ располагать собою и своими желаніями. Думая о жизни, надобно подѣ часть подумать о душѣ, о ея предназначеніи.

* Безъ Бога ни до порога.

Вѣроятно вы не забыли пословицу, ко-
порую швердили вамъ еще въ Колле-
гіумъ: *memento mori!* * Но дѣло не
о помѣ. Какъ пекушъ дѣла ваши?

— Во первыхъ надобно повпорить
вамъ чувствительную благодарность
моею, почтенный другъ, за первую услу-
гу, копорую вы, по чиспой совѣспи
сказапъ, опдѣляли масперски.

— О, помилуйте!... Это мнѣ не
споио большихъ усилій. Какъ же
иначе исправляпъ заблужденіе и свое-
правіе ума челошеческаго!...

— Въ этомъ можно вамъ опдапъ
полную справедливоспъ.

— Тѣмъ болѣе, что я люблю сред-
ства рѣшишельныя... *Quem verba non
monent, verbera monebunt.* **

* Помни послѣдній часъ швой.

** На кого не дѣйсшвуюшъ слова, вѣрно подѣй-
спвуешъ насиліе.

— Эпа адская философiя по мнѣ!... подумалъ про себя Панъ Яссельскій.— Но скажише, пожалуйста,—началъ онъ, обращаясь къ Паперу,—что сдѣлалось съ сиротой?... Вы меня понимаете?...

— Не извѣстно. Я только знаю, что онъ уѣхалъ въ Варшаву. Но опять эпо все поспороннее, и я неперпѣливо желаю узнать *собственно* о вашихъ успѣхахъ.

— Они очень не велики, опецъ мой!... Время золотое; препяиспвіе далеко. Но я не имѣю средствъ пользоваться обстоятельспвами, и пакъ сказать по вашему: *cibro haurio undam.* *

— Чпожь заграждаетъ пупъ вашъ?

— Одинъ краеугольный камень. Знаете, какъ бы вамъ назвать его.... во-

* Черпаю рѣшешомъ воду.

споминаніе, тоска о бываломъ.... Понимаете?... Еслибъ намъ удалось изгладить это мрачное пятно, тогда бы все было на нашей сторонѣ, все покорилось бы намъ и увѣнчалось, если не лаврами, то по крайней мѣрѣ миртами побѣдителей! Не придумаете ли чего нибудь, почтеннѣйшій другъ?...

— Довольно труда предпринять при этомъ изобрѣненіи. Хотя у меня и есть вѣрное средство чрезъ одну преданную мнѣ особу; но путь нужны издержки, которыя мнѣ не по силамъ; впрочемъ....

При сихъ словахъ Яссельскій примѣшнымъ образомъ положилъ тяжелый кошелекъ золота въ шапку Іезуита.

— Впрочемъ, продолжалъ Паперъ, я почти увѣренъ. Да.... я надѣюсь, что мнѣ не откажутъ. А чтобы дать вамъ понятіе о моихъ намѣреніяхъ, то

я расскажу вамъ весь планъ въ подробности.

Тутъ Іезуитъ подсълъ гораздо ближе къ Пану Яссельскому, и долго, очень долго они что-то тихо шептали между собою. По окончаніи рѣчи, Яссельскій съ жаромъ поцѣловалъ въ лобъ своего соприудника, и въ глазахъ его замѣтна была живая радость, сильное восхищеніе. Паперъ Янповскій оспался въ Арендѣ на нѣсколько дней для отдохновенія.

ГЛАВА IV.

РОКОВЫЯ ВѢСТИ.

Гдѣ сердце любилъ, гдѣ спрдаешъ,
И милосердый Богъ нашъ памъ.
Онъ крестъ даешъ, и Онъ же намъ
Въ крестъ надежду посылаетъ!...

.
Ужъ не поскую, не мечпая,
Сама въ себѣ погребена,
Она сполнъ полуживая!...

И Козловъ.

О, другъ души моей! Ты, котораго
послало мнѣ небо, чпобы хопъ на
крапкй мигъ усладишь пасмурные,
одинокіе дни. Ты, котораго поняло

сердце мое и посвятило тебѣ первую мечту, первый вздохъ и первый порывъ желаній! Ты, черноокій, пламенный и такъ усладительно красно-рѣчивый!... Еслибъ въ далекой споронѣ, куда судьба увлекла тебя, могъ ты чувствовать мои спраданія; еслибъ могли долетѣть до тебя звуки безопрадной песни моей... О!... какъ бы я была счастлива!... Но нѣтъ, ты не слышишь меня, доступна ли въ кровавой сѣтѣ мечты о неопытной дѣвушкѣ. Быть можетъ, коспи свои ужъ давно плывутъ въ степи безбрежной, кошорая раздѣляетъ тебя со мною на вѣки!...

Такъ мечтала въ тихій лѣпный вечеръ подъ окномъ садоваго павильона Магдалина, дочь Пана Лодомирскаго. Чешыре грустныхъ недѣли прошекли, какъ чешыре черные, шуманные года

безпріюпнымъ сирѣ-

пою въ шумномъ хаосѣ свѣша, копо-
рый, не исключая и родныхъ вашихъ,
составляетъ для васъ семейство чуж-
дое?...

Вѣрите ли вы дивному созвучію
душъ, святой гармоніи сердецъ, посвя-
щенныхъ другъ для друга?... Вѣрите
ли вы, что душа родная, хотя бы на-
ходилась далеко отъ васъ, но въ ча-
сы радости, въ часы наслажденій со-
общаетъ и вамъ чрезъ эфирную даль
свои воспорги. Вѣрите ли вы, что въ
пѣ минувшы, какъ поско оледѣняетъ
сердце ваше и другъ вашъ въ споро-
нѣ чуждой также покусуетъ объ васъ
и также проливаетъ слезы? Если вы
испытали на себѣ это созвучіе чувствъ,
то душевно пожалѣете о Магдалинѣ,
раздѣлите съ ней и грусть, и поску
по миломъ, и мечты ея прошедшихъ
радостей.

Но не долго мечпала юная Магдалина. Самъ Панъ Прокопій вошелъ въ павильонъ и объявилъ ей, чпо знакомая Еврейка прѣѣхала съ шоварами, вновь выписанными изъ Бердичева. Груспной Магдалинѣ было не до покупокъ; ее не могли прельспить блестящія бездѣлки; но изъ угожденія къ родителю, копорый желалъ чѣмъ нибудъ развлечь ее въ уныніи, она вспала, и взявши руку ошца, пошла съ нимъ во внупренніе покои.

Въ большомъ залѣ, разложивши на столѣ богатые шовары и множеспво драгоцѣнныхъ бездѣлокъ, молодая, прекрасная собой Еврейка ожидала юною покупашельницу. При входѣ Магдалины и Пана Прокопія, она поклонилась имъ очень почпипельно; а потомъ начала съ шорговымъ краснорѣчіемъ описывать цѣнность и доспо-

инство предлагаемыхъ товаровъ. Здѣсь было нѣсколько кусковъ шелковыхъ матерій, дорогія перья, браслеты, ожерелья, перстни, кольца, серьги, зарукавья, пряжки, медальоны и множество другихъ блестящихъ вещей, опдѣланныхъ въ высшей степени искусства тогдашняго времени.

Панъ Прокопій, окинувши бѣглымъ взглядомъ эту кучу бездѣлокъ, удался, оставя дочь свою въ полной свободѣ выбирать для себя, что ей понравится. Долго грустная Магдалина разсматривала товары безъ всякой цѣли; ничто не имѣло прелестей въ глазахъ Панны; какъ вдругъ лице ея покрылось смертной блѣдностью; взоры ужасные, убійственные она остановила на смущенной Израильянкѣ; крѣпко сжала въ рукѣ какую-то изъ вещей, и схвативши оледенѣлой

рукою за руку молодую порговку, повлекла ее въ другую комнату за собою. *

— Смершная пы, или духъ злобы, посланный въ видѣ Еврейки, опиянь у несчастной послѣднюю искру жизни?—вскричала Магдалина задыхающимъ голосомъ.—Говори, несчастная, гдѣ пы взяла эпошь браслеть?... Тушь она разжала правую руку, и въ ней видѣнь былъ золошой браслеть съ каменьями и пошреномъ, писаннымъ на эмали.

— Говори, гдѣ пы взяла его?... повпорила дѣвушка. Кровь бросилась ей въ голову. Адъ бунповалъ въ душѣ ея!...

— Гдѣ я взяла его, Панна?—повпорила Жидовка, по видимому, чрезвычайно смущенная. — Я.... купила его!...

— Ты купила?... Чѣмъ?... Не цѣной

ли крови?... О! нѣтъ, нѣтъ.... Ты... унесла его!...

— О, Богъ Авраамовъ!... Я унесла? Развѣ я воровка? У меня повару слишкомъ на десятъ тысячъ злопыхъ. Грѣхъ вамъ обижать честную торговку, прекрасная Панна!... И слезы полились изъ глазъ Еврейки.

— Если такъ, говори, гдѣ ты купила его? Но когда хоть одно слово неправды... О! горе тебѣ!...

— Къ чему жъ мнѣ васъ обманывать, прелестная Панна. Назадъ пому недѣли съ двѣ я проезжала съ поваромъ опсиода миль за пятьдесятъ, около Жишмира. Заѣхала въ помѣстье къ одному Пану; у него приняла меня молодая дочка съ мужемъ; только что при дни было, какъ они поженились. Паночка купила у меня много; а

мужъ долго хохоталъ надъ эшимъ браслемъ; попомъ сказалъ, что онъ ему противенъ также, какъ и па, кошорая подарила его; попомъ промѣнялся имъ со мною на шелковое опало для своей жонки. Вошь тебѣ и вся правда. Богъ видипъ сердце мое, добрая Панна!

— Лжешь, невѣрная!... Топъ, кому онъ былъ подаренъ, шеперь въ походы!...

— Вошь тебѣ Свяпой Моисей, красавица. Эпопъ Панъ ни въ какой походы не ѣдилъ, а живетъ себѣ съ своей друженькой по здорову.

— Ты ли говоришь это, лукавый демонъ?... Но какъ и не вѣришь!... Мойсобственнѣйшій браслемъ... съ моимъ поршремъ!... Никто, кромѣ его, не могъ владѣть имъ!... О, правосудный Боже!...

— Онъ, помнился, называлъ Магда-
линой шу, копорая подарила ему....

— Молчи!... Не говори!... Не про-
износи эшаго имени!... Теперь все яс-
но.... О! бѣги!... бѣги опсюда, адская
посланица и никогда не возвращай-
ся!... Вопъ шебъ золошо!... Бѣги!...

Она вынула изъ шкапулки горспъ
золоша, опдала Еврейкъ, браслешъ ос-
павила у себя, а ее постѣшно вывела
изъ комнашы. Испуганная порговка
въ одну минушу опсавила зѣмокъ.

Но чпо спалось съ бѣдной Магда-
линою?... Панъ Прокопій, чшобы уз-
нашь объ ея покупкахъ, приходишь въ
комнапу своей дочери — и видишь....
о Боже!... видишь ее распроспершою
на полу возлѣ своей кровати. Не-
счастный опецъ!... Драгоценную по-
купку пріобрѣла дочь швоя, и слиш-
комъ дорогой цѣною!...

Весь замокъ въ смяшеніи. — Съ помощію домашняго медика подали возможные пособія несчастной дѣвушкѣ; положили ее въ постель, и признаки чувствъ наконецъ наградили спаранія.

Въ минушу общей горести и волненія, Панъ Яссельскій неожиданно появился въ замкѣ. Услышавши о несчастномъ состояніи Панны, онъ оспановился, какъ окаменѣлый. Крупныя слезы спруились по щекамъ его!...

— О!... не дерзай, лукавый демонъ, облакайся въ образъ чистаго, свѣтлаго духа. ... Ликъ ангеловъ не доспущенъ духу шьмы и злобы!...

ГЛАВА V.

СВАТЬБА И СУДЬ БОЖІЙ.

Гопово все: женихъ приходишь.

Идушь во храмъ.

Вокругъ намоя ихъ обводишь

Священникъ шамъ!...

В. Жуковский.

Упро прекрасное, благодашное, какъ
радость Божія. Небесный госпъ при-
роды—ясное солнце—освѣпилъ землю
пышную, роскошную, убранную какъ

Сѣверная дѣва въ весенній праздникъ!
 Все шакъ весело, во всемъ шакъ оп-
 ражается величіе Божіе!... Все увле-
 каешъ душу къ думѣ—шайнспивенной и
 сладкой!...

По луговой долинь, живописно испе-
 шренной радужнымъ колоритомъ всѣхъ
 полевыхъ цвѣшовъ, идешь спранникъ
 преклонныхъ лѣтъ. Вепхій чекмень
 Польскаго покроя, перешланушый рем-
 немъ, босыя ноги, копомка и неболь-
 шая чепырехспрунная бандура за пле-
 чами доказываютъ его горькій удѣлъ
 въ жизни, обнаруживаютъ въ немъ
 бѣдняка, пипающагося мірскимъ пода-
 яніемъ и наградою за скудную игру
 свою.

Спустиася съ пологого возвышенія въ
 глубину долины, спарикъ видить въ
 дали огромный замокъ съ крѣпкими

спѣхами, обведенный ровомъ. На угольныхъ башняхъ и главномъ корпусѣ спроенїа развѣваются бѣлые и розовые флаги—профои богашыхъ, владѣтельныхъ Пановъ въ день празднества или какой нибудь фамильной радости. Подходя ближе, можно разсмотрѣть опущенный моспъ и сквозь распворенныя вороша, внупри двора длинную пропинку, устланную правою и усыпанную цвѣтами опъ одного флигеля зѣмка къ другому? Какое-то радостное волненіе замѣпно между множествомъ служителей, мелькающихъ безпрестанно по двору.

— Вѣрно праздникъ у богашаго Пана, владѣльца эшаго помѣстья. Авось въ день радости удѣляпъ спраннику ласковое слово и кусокъ насущнаго хлѣба, — сказалъ про себя спарикъ, и направилъ шаги свои прямо къ зѣмку.

Перешедши подъемный мостъ, онъ достигъ до воротъ и хотѣлъ идти во внутренность двора, какъ вдругъ кто-то, схвативши за полу, дернулъ его назадъ. Спранникъ оглянулся, и смуглая, высокая спаруха, въ бѣдномъ рубищѣ держала его за плащъ жилистой рукою.

— Куда ты? ... Не ходи! ... Прогоняй! ... прошептала спаруха.

— Меня прогоняй? За что? ... Я никому не сдѣлалъ зла. Если убогаго спранника удостоитъ милости—буду молиться за нихъ; откажутъ—я и самъ удалюсь отсюда.

— Говорю тебѣ, прогоняй. Подожди не много, тогда пойдемъ вмѣстѣ! Скоро будутъ пускать въ замокъ.

Тутъ она пошла въ сторону и сѣла на огромномъ камнѣ, вросшемъ, не-

подалеку опть воропъ, до половины въ землю. Пришлецъ послѣдовалъ за нею.

— Издалека ли пы бредешъ въ замокъ за подаяніемъ?—спросила спаруха.
— Гдѣ швоя родина?

— Я попалъ сюда не нарочно. Хожу по всей Польшѣ, Украинѣ и едва ли не по цѣлой Руси. Родина моя шамъ, гдѣ добрые люди! А пы опкуда?

— Я? Меня здѣсь знаютъ миль на двадцать по всей округѣ. Теперь вопъ видишь пы, я съ побой за воропами; а бываешъ времячко, чпо залепашу шуда, въ высокія хоромы и тмъ съ серебра, да съ золоша.

— Дай Богъ! А за чпо же тебѣ шакъ чеспвуютъ у богатаго Пана?...

— Какъ за чпо?... Да!... вѣдь я и забыла, чпо пы меня не знаешъ. Я ворожея. Здѣсь въ замкѣ не шолько

всѣмъ Панскимъ хлопцамъ, жинкамъ ихъ, Пану эконому съ жинкой, Пану приказчику, Пану писарю, да и самой Яснотельможной Паночкѣ ворожила про судьбу, да про добрую долю!

— Ошъ чего же шеперь не идешъ прямо въ замокъ? Тебѣ можно бы провеспи и меня съ собою!

— Экая ты голова!... Я говорю тебѣ, что шеперь никого на свѣшъ не пропускашъ. Здѣсь свапъба; какъ женихъ на дворъ, шо всѣ спупай, пей и ѣшь, сколько душѣ угодно, а шеперь ни шагу!...

— Ты говоришь, свапъба. Кого же здѣсь выдаюшъ за мужъ?

— Кого? Ты и эпаго не знаешь?.. Сама дочка Яснотельможнаго, Магдалина (дай Богъ ей долгиѣ вѣки) выходишъ за богапаго, молодого Пана. Такой добрый, ласковый; золоща не жа-

лѣшѣ! Видно Богъ услышалъ молишву ея опца роднаго. И слышашѣ не хопѣла идши за Пана. Я сказала: нынѣшнимъ же лѣпомъ будешѣ за нимъ, и сбылось! Хворала, сердечная; шолько претѣй день, какъ вспала и пошчасѣ же согласилась. Сама начала упрашивашѣ, чшобъ скорѣе вѣнчашѣся. Опецъ пошоронилъ. Вопѣ сегодня и свашѣба; а шо вздумалъ было опдашѣ за какого-шо сорванца нечосаного!

— Какъ?... У нее былъ другой женихъ?

— А шо развѣ не было. Навязался было какой-шо головорѣзъ, да умчался въ спешѣ съ разбойниками казаками. Ужъ бышѣ ли въ бышеномъ шолку?

— Какъ же онъ попалъ сюда въ замокъ?

— Была исторія большая. Воишь видишь ли, я тебѣ разскажу....

Въ эпѹ самую минушѹ, вдали на дорогѣ показались двѣ богатыя кареты; онѣ скакали прямо къ замку. Спаруха прервала разсказъ свой и побѣжала къ воротамъ. Спарый музыкантъ послѣдовалъ за нею. Съ другой стороны у воротъ остановилась толпа поселянъ, и какъ скоро экипажи проскакали по мосту въ замокъ, вся толпа и нашъ виртуозъ съ пиониссой хлынули на дворъ рѣкою.

Кареты остановились у параднаго входа. Изъ первой вышелъ женихъ, весь облитый въ золото, и съ нимъ человекъ немолдыхъ лѣтъ, въ черной одеждѣ (вѣрно чипашели узнающъ Пашера Яншовскаго). Во второй каретѣ было нѣсколько молодыхъ дамъ. Всѣ

пріѣхавшіе поспѣшью съ церемоніаломъ прошли черезъ большую лѣспницу въ парадные покои.

Но гдѣжь была юная Магдалина?

Ахъ! если вы чипали когда нибудь преданія древнихъ, въ копорыхъ шакъ часпо описывающся обряды жершвоприношеній! Если вамъ въ какомъ нибудь спародавнемъ романѣ случалось вспрѣшпшь роковыя слова: она была подобна жертвѣ, убранной цвѣтами на закланіе, шо это сравненіе было живой поршпретъ нашей бѣдной Магдалины, шолько съ шой разницею, чшо несчастная дѣвушка, разочарованная въ счасшіи, въ любви, сама себя обрекла на жершву коварному предашелю.

Свапѣбная свипа была не очень великолѣпна и многочисленна; госпей поспоровннихъ совсѣмъ не было. Панъ

Прокопій, напуганный несчастнымъ произшествіемъ прежней вечеринки, не звалъ никого изъ своихъ сосѣдей. Только Паперъ Яніповскій со стороны жениха и со стороны невѣсты нѣсколько изъ ближайшей родни соспавляли всю массу радостнаго церемоніала. Ксѣндзъ, призванный изъ ближняго города, уже дожидался жениха и невѣсту въ домовой каспелѣ, къ копорой такъ привлекательно былъ усланъ пунь изъ покоевъ Панны. — Ахъ!... еслибъ такъ былъ очаровашелень пунь жизни ея!...

Толпа любопытныхъ, копорымъ не запрещень былъ входъ на дворъ зámка, ожидала съ неперпѣніемъ увидѣть прекрасную чешу. Бѣднымъ изъ рукъ пышно одѣнаго Пана эконома была раздаваема щедрая милоспыня по при

казанію самой Панны — благодѣтельнаго генія сиропъ и несчастныхъ. Все было гошовой; всѣ ожидали обряда вѣнчанія.

Наконецъ женихъ, пришедши въ покой невѣсты, взялъ ее за руку и повелъ къ брачному алтарю. Тихо и торжественно шли за ними всѣ, сопровождающіе свиту, черезъ широкій дворъ въ кашеллу. Многіе изъ любопытствующихъ также были туда допущены. Спавши на приготовленномъ мѣстѣ, женихъ и невѣста погрузились въ молитву. Благочестивый Ксѣндзь началъ священный обрядъ. Ахъ! какъ восхищительна была Магдалина! Какъ очаровательна была въ бѣдной дѣвушкѣ эта лилейная блѣдность, и что-то святое, умишленное отражалось въ помныхъ очахъ ея. Вѣрно это была

теплая молила къ Ангелу-хранителю при послѣднемъ прощаніи съ земнымъ счастьемъ!...

Всѣ присутствовавшіе въ кассель пламенно молились о счастьи супруговъ; у многихъ даже видны были слезы. Наконецъ обрядъ кончился; рѣшилась пайна судьбы Магдалины! Она поперяна для него — на вѣки!...

Поздравленія градомъ посыпались на новобрачныхъ. Всѣ лица сіяли радостію. На возвышеніи, успланномъ бархатомъ, между двумя колоннами, какъ два свѣтлые духа, они привѣтствовали всѣхъ съ радушіемъ и благодарностію за пышную пышную желаній. Наконецъ Паперъ Яншовскій въ свою очередь подходилъ съ поздравленіемъ къ счастливымъ чепъ.

— Желая, чтобы жизнь ваша, — гово-

рипѣ Паперѣ, почшипельно кланаясь новобрачнымъ,—шекла въ такой непорочности и чистотѣ, какъ жизнь блаженныхъ праотцевъ нашихъ. Я служилъ вѣры и испины...

Въ это мгновеніе спрашный прескъ раздался въ каспелѣ. Кашипель въпхой колонны, подлѣ кошорой спояли молодые, обрушилась прямо на голову Іезуипа. Онъ упалъ спремглавъ!... Кровь хлынула ключемъ изъ головы его и обагрила помоспѣ храма.

Паническій спрахъ оковалъ всѣхъ присущспвующихъ. Магдалина поперяла упопреленіе чувспвѣ.

— Вѣрно на немъ свершилась казнѣ Божія за грѣхи его!... раздался голосъ во глубинѣ каспеллы. Всѣ обрапились шуда, опкуда произходилъ онъ, и спражникъ, произнесшій правдивыя слова, вышелъ вонъ изъ церкви.

Опомнившись опть первыхъ впечатлѣній страха, несчастнаго Папера подняли. Онъ былъ холодный шрупъ, ничпожная дань землѣ!...

Ужась снова взялъ права свои. Всѣ въ безпорядкѣ удалились изъ каспеллы. Новобрачную вынесли опшуда на рукахъ. Мрачно и ужасно было лице Пана Яссельскаго! Такъ улещѣла мгновенная радость. Въ замкѣ распроспранилось мрачное уныніе, и вечеромъ погложь дня споялъ чернѣйшій гробъ въ каспеллѣ, на помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ была свашебная церемонія.

— Не къ добру совершилось эшо чудо!... говорили всѣ, бывшіе при роковой смерти Іезуиша.

— Не къ добру! Бышь бѣдѣ великой!... кричала ворожея, выходя съ спраннымъ музыканшомъ изъ ворошъ замка.

Такъ свершился судъ Божій надъ
злodeмъ. Праведенъ былъ гнѣвъ Все-
вышняго!... Въ грохотъ, разнесшемся
по каспелѣ, при паденіи колонны,
казалось, опозвались слова вѣчнаго Су-
дїи: *не дерзай произносить неправду
предъ престоломъ моимъ!... Таинспве-
ненъ судъ Предвѣчнаго!...*

ГЛАВА VI.

БИВУАКИ.

Курайтъ табакъ усашые Гусары
И зорко вдалѣ глядишь казакъ...
И онъ своимъ рассказываетъ шакъ:
Я бился съ Туркомъ, мнѣ знакомы Янычары!...

Ө. Глинка.

Какъ безбрежный океанъ, простран-
ны, необозримы пуспынныя степи,
разстилающіяся около Кинбурна. Во
времена, описываемыя мною, кромѣ

хищныхъ Тапаръ и неустрашимыхъ наѣздниковъ Украйны, едва ли нога робкаго пушника искала здѣсь оправдую пропінку къ мѣспу опдыха, къ спокійному ночлегу. Здѣсь земля въ шуманной дали сливается съ горизонтомъ. Гибкій, пуспынный ковыль, волнуемый знойнымъ въпромъ, напомнилъ бы мореходцу буйные валы, шакъ часпо пересѣкающіе зыбкую, непоспояннуо спихію — эмблему собспвенной жизни нашей! Кой гдѣ видны гнилыя болоша, поросшія шроспникомъ, и дикія ппицы соспавляюпъ единспвенныхъ обипашелей эшой спраны запуспѣнія.

Въ пасмурный, шуманный вечеръ, когда спепная буря дико свиспала въ ущельяхъ рышвинъ и овраговъ, кой-гдѣ пересѣкающихъ равнины, въ од-

номъ углубленіи видѣнь былъ густой
дымъ, распилающійся по землѣ и нѣ-
сколько огней, сильно раздуваемыхъ
порывами вѣтра; это были биваки За-
порожцевъ, расположившихся на ночь
для отдохновенія. Другой мѣсяцъ ко-
чуютъ въ степи незванные ~~хоспи~~ хоспи, уда-
лые сыны Украйны. Почпи каждый
день рѣжуются съ Тапарами; вездѣ по-
ражаютъ ихъ, вездѣ зарубаютъ ихъ
оспрыми саблями о себѣ памянь; но
многочисленные шолпы хипрыхъ Азіап-
цевъ, какъ будпо насмѣхаясь, во
всѣхъ мѣснахъ удалцамъ пересѣкаютъ
дорогу, задерживаютъ ихъ, завязыва-
ютъ драку, переносятъ ее въ разныя
спороны, и не смотря на неустойку
свою въ военномъ дѣлѣ, удаляютъ ка-
заковъ отъ главной цѣли; не допуска-
ютъ ихъ далѣе къ предположенной
добычѣ. Много профеевъ приобрѣла

Запорожская вольница; много у ней оспрыхъ шашекъ, опбиныхъ у бесурмана; еспъ богатыя чалмы, великолѣпныя сѣдла, лихіе кони, но нѣтъ золотѣ! А за золотомъ и пронудось съ родной земли войско Запорожское.

Около огней, разложенныхъ на полянѣ въ видѣ круга, поставивъ въ срединѣ шабуны своихъ коней, опдыхали опряды казацкіе. Нѣсколько Украинскихъ и Тапарскихъ пруповъ, мершвыя лошади, разбросанныя около спановища и множество переломанныхъ оружій доказывали, что днемъ на этомъ самомъ мѣстѣ происходила жаркая битва. Многіе изъ казаковъ, сидя около походнаго кошла, ужинали за своей порціей; другіе, сомкнувши нѣсколько копей, вопкнувшихъ въ землю и накрывши ихъ кобеняками, образовали

для себя нѣкопорый родъ палашокъ
для защиты отъ вѣтра, и спали въ
нихъ сномъ покойнымъ.

Возлѣ одного изъ шапровъ пакого
рода, у большаго огня, въ самой сре-
динѣ спановища видѣнъ Кошевой Апа-
манъ; напропивъ него сидѣли два
Куренные Начальника, одинъ съ подвя-
занной рукою, и молодой черноволосый
казакъ высокаго роста, съ копорымъ,
какъ видно было, обращался и самъ
Кошевой съ особеннымъ вниманіемъ.
Окончивши работу свою около пучной
ноги жаренаго барана, они передавали
другъ другу жестяную фляжку, и вре-
мя лепило въ дружеской бесѣдѣ.

— Чпо пожимаешься, брате Клапо-
вичъ?—сказалъ Кошевой, улыбаясь, одно-
му изъ Куренныхъ, копорой былъ ра-
ненъ. — Видно тебѣ порядкомъ укуси-

ла проклятая!... Да шебъ ужъ не въ первый разъ принимаешь вражьи посылки; за что опсылаешь ты имъ назадъ всегда впрое!...

— Ну, и ты, Ашаманъ, гораздъ не меньше нашего. Если кого угоспишь, во вѣкъ не проспишься; у себя и конь подъ спашь. Съ Турокъ, Ляховъ и Ташаръ, я чаю, не разъ срывалъ головы!

— Бышь бы и ему сегодня покойникомъ, разспашься бы мнѣ съ шоварищемъ на вѣки, да и самому попробовашь госпинца, еслибъ не Панъ Войнаровскій. Проклятый богатырь славно прицѣлился моему Вѣпру въ голову. Да вошь, по его милоспи, разомъ поцѣловалъ землю!

— Эхъ, что объ эпомъ шрактовашь, Ашамане!—прервалъ черноволосый

казакъ. Мало ли, за кого и пы споялъ грудью. Долгъ плашежемъ красенъ!

— За шо ужъ славно и угостили сегодня 'окаянныхъ,—подхватилъ Кошевой. Я думаю, до прехъ сопенъ заснуло; кромъ того, чпо сопни двѣ раненыхъ прикололи. . . .

— Еще двѣ, при эдакихъ попѣхи, шакъ вѣрно у Кошеваго и его хлопцевъ будущъ корцы съ грошами. Ужъ плачешъ по насъ родная споронушка! Пора на Украйну!

— Правда швоя, пора, брашенько! Теперь лихъ бы намъ узнатьъ, гдѣ будешъ припонъ ихъ. Обвернушь ихъ и съ боковъ и съ пылу; перемашъ, перекрошишь на голову; а памъ ужъ дальше намъ не заслоняшъ дорогу. Никпо шаковъ, какъ Богъ!... Мои хлоп-

цы, кажись, ни съ одного походу на легкѣ въ Украину не прихаживали.

— Великъ Богъ милоспью!... Кпо самъ не ворошился, шакъ присылалъ на поминъ души роднымъ госпину!— Чпо шакъ задумался, бране Войнаровскій?

— Вѣрно слова швои нагнали шуманную грусь на его буйную голову. Знашь, не хочешся доброму молодцу положишь на чужой споронъ свои коспи!

— Эхъ, брапеньки, совсѣмъ не шю,— подхвашилъ Кошевой Ашаманъ съ усмѣшкою. — Бояшься ли храброму казаку заглянушь въ глаза смерпи?... Нытъ, другая шоска щемилъ его решное. Я слышалъ, чпо у него на Украинѣ оспалась черноокая зазноба; не лзя же и не погруспишь по ней!...

— Чѣмъ дольше разлука, тѣмъ радостнѣе будетъ сердцу, ворошясь на Украйну!—примолвилъ Куренной. Я самъ былъ молодъ, по себѣ знаю!

— Ашаманъ! Пиръ да радость, да добрыя вѣсти!... вскричалъ кто-то, подошедши къ палапкѣ. Бравый казакъ, вооруженный съ головы до ногъ, споялъ передъ нею.

— А!... Гаврила Кремень!... Скоро, другъ, съ хлопцами ворошился. Чшо, брѣше, опыскалъ ли слѣды краснаго звѣря?...

— Скорѣе на коней, Ашаманъ! Все дѣло въ шапкѣ. Бесурманы не дальше прехъ миль опсюда. Какъ мы выѣхали на полдень, такъ и замелькали ихъ проклятые огни. Вся орда на роздыхѣ, обложилась вокругъ обозомъ; какъ будшо

окопана валомъ. Часовые кой-гдѣ, полусонные, ходящъ кругомъ, да ихъ можно опрѣзать. Я подползъ на брюхъ къ самому биваку. Ни одной души въ живѣ; все спитъ за мершво; только спдишь нагрянушь въ распахъ, и кроши на повалъ!... Вопъ тебѣ въспи!...

— Спасибо, Гаврило Кремень, спасибо!... Бышь тебѣ Эсауломъ. Ну, брашеньки, гарно здѣсь около огня погрѣвашся, да видно приходится другой огонь разводитъ. Повѣспишь хлопцамъ, чпобъ швидко сѣдлали коней, да сядились. Не шумѣшь, не гаркашь. А ты, Гаврила Кремень, будешь нашъ вожащый. Богъ за насъ и за Украйну....

— А ночь шемная намъ помога!... примолвилъ одинъ изъ Куренныхъ, вспавая.

Топчасть все взволновалось на бивакъ. Тихо, безъ всякаго шума казаки осѣдлами коней, попустили огни, поспроились по сопнямъ и пуспились за своимъ вожапымъ на полдень, вдоль широкой степи. На шомъ мѣспѣ, гдѣ опдыхало войско Запорожское, оспались груды пепла, и дымъ опъ попухшихъ огней кой-гдѣ курился по землѣ.

ГЛАВА VII.

ПОРАЖЕНІЕ.

Проспранны здѣсь сухія сѣны,
Онѣ синѣютъ въ далекѣ!...
Кургановъ закрученныхъ цѣпи
Мѣстами пьянуся къ рѣкѣ.
Здѣсь широки разливы Буга,
Сюда далекая подруга
Рѣка спелей къ нему спѣшишь
И съ нимъ обнявшись, кипишь
Въ однихъ берегахъ его положишь!...
.
Здѣсь Турки свой пабакъ курили!...

Ө. Глинка.

Тихо, мрачно и мершво около спана
Тапарскаго!...

Долго ѣхали казаки за своимъ во-
жашымъ. Ночь шемная, пасмурная

еще болѣе способствовала скрипному походу. Два глубокіе оврага, перерѣзывающіе на нѣсколько миль поперегъ дорогу, долго задерживали пушъ: ибо должно было спѣшиваться и съ большимъ трудомъ переводить лошадей. Наконецъ показались огни на Тапарскомъ бивакѣ. Нѣсколько казаковъ, опѣдлившись впередъ, тихо подкрались къ цѣпи часовыхъ, чтобы срѣзать ее; но къ удивленію всѣ попытки были сняты, и ни одного живаго существа не встрѣнилось до самаго лагеря.

Съ шумомъ ворвалась въ лагерь вольница Запорожская. Сильные залпы огласили мрачную окрестность. Полусонные, испуганные нечаяннымъ нападеніемъ, Тапары побросались въ безпорядкѣ къ оружію; и тѣ, копорые сколько нибудь пригошвились къ

оборонѣ, были изрублены; оспальная часпъ обрапила въ бѣгство. Казалось, какой-то сверхъестественный страхъ гналъ ихъ изъ лагеря. Въ нѣсколько минутъ ни одного Азіяпца не оспалось въ спанѣ; все было пусто!

— Чшо за бисовы дѣпи!—вскричалъ Апаманъ, когда Запорожцы совершенно заняли лагерь. Какъ шальные, побѣжали изъ лагеря поганцы почти безъ драки, да и всѣхъ ихъ было сошпи ни двѣ, шри, не больше. Куда жъ дѣвалась вся эша орда проклятая?... Эй, хлопцы, дѣло не добре; поищипе скорѣе, не оспалось ли хопѣ гдѣ нибудь одного поганца?... Надо къ допросу!

Казаки бросились искапѣ кругомъ и наконецъ припацили одного спарика, Тапарина, подѣ фурой, за ранами оспавленнаго безъ надзора.

— Говори, чучело!... вскричалъ Кошевой на Ташарскомъ языкѣ; опивъчай, куда дѣвалась вся сволочь ваша?... Куда всѣ вышли изъ лагеря и сколько ихъ было?...

— Всѣхъ насъ было до десяти тысячъ, храбрый богатырь, — опивъчалъ смиренно Ташаринъ; а съ часъ назадъ всѣ вышли по приказу, насланному опъ Махметъ - Гирея, чпобы двинуться назадъ къ Бахчи-сараю; а оспальнымъ вельно было съ обозомъ выходить на разсвѣтъ!...

— Правду ли ты говоришь, окаянный? — вскричалъ опять Кошевой, схватясь за рукоятку сабли.

— Пусть я на спароси не увижу лица Пророка, не услышу Корана и умру отъ собаки!... если солгалъ хоть одно слово.

— Кудажъ они убѣжали, какъ говоришь ты?

— Прямо до Крыму, почтенный богатырь (дай Богъ тебѣ увидѣть седьмое небо!). Прямо до Крыму!

— Ну бисъ имъ въ ребра, мы и сами за ними скоро шуда погарцовать загуляемъ. Теперь опдохнемъ, брашеньки; здѣсь мы хозяева; покой до разсвѣта; а съ зарей опять на коней и вслѣдъ за Крымцемъ!

Опряды всѣ спѣшились, кони были согнаны въ шабунъ, часовые распавлены и Запорожцы разбрелись въ безпорядкѣ по лагерю—опыскивать добычи. Пясть или шесть свершковъ зомоша, много дорогихъ сѣделъ, великолыныхъ оружій, большое количество попашу, курипельнаго табаку, опиуму, меду и сарачинскаго пшена—были про-

феи, оставленные въ жертву побѣдишелямъ.

Около часа разбирались казаки въ своемъ новомъ хозяйствѣ. Груды опысканной добычи были напасканы въ одно мѣсто около Кошеваго Ашамана, съ радостнымъ лицомъ спопрѣвшаго на веселую работу. Какъ вдругъ раздался выспрѣлъ... другой... шрепій... замлъ!...

Подобно роковому шуму сильнаго землетрясенія разнесся съ правой спороны лагеря, въ долину, дивный грохотъ. При отраженіи огней со всѣхъ споронъ видѣнъ былъ блескъ оружія, и быспрые, какъ вихрь, многолюдные, какъ саранча, съ ужаснымъ, неисповымъ крикомъ ворвались въ лагерь Ташары. — Завязалась кровавая сѣча! — Смѣлые Запорожцы, заспигнуные въ

расплохъ, со всевозможнымъ проворствомъ спарались вооружиться. Куренные и Эсаулы, собирая и ободря своихъ подчиненныхъ, оборонялись съ дикимъ опчаяніемъ. Кошевой съ Войнаровскимъ поспѣвали вездѣ и сражались, какъ два свирѣпые пига, чпобъ не посрамишь свою родину—Украйну!...

Но хипроспъ и многолюдспво воспоржеспвовали надъ мужеспвомъ и храбрспію. Ташары дрались, какъ испупленные, и безпреспанно возраспая числомъ болѣе и болѣе, начали подавляшь казаковъ. Обезсиленные Украинцы упали духомъ; шрупы ихъ, смѣшавшись съ невѣрными, усьяли землю. Долго, не желая показашъ пымъ врагамъ своимъ, не желая дашь имъ шоржеспво надъ собою и принесли въ родные курени спыдъ и нищешу, они бились на смершь, не жалѣя крови. Наконецъ,

рѣшишельно поперявъ всю возмозж-носць, спѣсненныя, опрокинушыя со всѣхъ споронъ, они въ безпорядкѣ побѣжали опѣ лагерьа назадъ вдоль спешы. Толпы Ташаръ съ шумомъ слѣдовали за ними.

Глубокіе оврагы на возвращномъ пути принесли новую, неожиданную гибель Запорожцамъ. Нѣкоторыя изъ удалыхъ и опличныхъ набѣзниковъ съ маху перескакивали чрезъ нихъ, а другіе падали спремглавъ и прощались съ жизнью. Много здѣсь было пролито крови на побѣгѣ, много погребено въ рыпвинахъ костью Украинскихъ!...

Наконецъ Ташары, успавши преслѣдовашь враговъ, возвратились въ спанъ свой.

Въ пущынной долинь, при глубокомъ, могильномъ мракѣ бурной ночи,

долго былъ слышанъ опдаленный, радостный крикъ дѣшей Пророка, или бѣгущій отъ врага ѣздокъ мчался, какъ полуночный въперъ по полю.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. Въ Запорожьѣ.	3
II. Вооруженіе.	16
III. Бесѣда злодѣевъ.	31
IV. Роковыя вѣспи.	45
V. Свадьба и судъ Божій.	56
VI. Биваки.	71
VII. Пораженіе.	82